

ОКСАНА ЛАБАЩУК

Тернопольский национальный педагогический
университет им. В. Гнатюка
Филологический факультет
Кафедра теории и методики
украинской и мировой литературы
46027 Тернополь
ул. М. Кривоноса, 2

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И ОБЩЕЕ В ФОЛЬКЛОРНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ: ОПЫТ АНАЛИЗА СОВРЕМЕННОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ

THE INDIVIDUAL AND THE COMMON IN FOLKLORIC SEMANTIC MODELS: AN ATTEMPT AT CONTEMPORARY FOLKLORE ANALYSIS

Структурно-семантическое исследование современной устной традиции позволяет увидеть в индивидуальных исследованиях о персональном опыте беременности и родов явления схематизма и повторяемости. Мотив можно рассматривать как ключевой элемент анализа современных натальных нарративов. Часть мотивов аккумулирует традиционную фольклорную и мифологическую семантику.

Ключевые слова: натальный нарратив, устная традиция, мотив, фольклорная семантика, мифологическая семантика.

Structural and semantic study of contemporary oral tradition reveals in the individual studies about the personal experience of pregnancy and childbirth the phenomena of schematization and repetition. This can be seen as a key element in the analysis of modern natal narratives. Certain motives accumulate traditional folkloric and mythological semantics.

Keywords: natal narrative, oral tradition, motif, folk semantics, mythological semantics.

Исследование мировоззренческих и философских представлений в художественных практиках всегда являлось ключевым в научных работах профессора Барбары Оляшек. Примером тут может послужить монография исследовательницы *Русский позитивизм. Идеи в зеркале литературы*, где ключевым

оказывается «[...] рассмотрение содержания художественных произведений в контексте выработанных по ходу рецепции философских, методологических, социологических, психологических и других категорий позитивизма»¹. В нашей работе особое внимание уделено мифологическим представлениям и их воплощению в нарративах современных матерей, однако отметим, что отношение между мировоззренческой идеей и ее художественным воплощением может быть важным предметом гуманитарного познания.

Изучение фольклорного сознания, то есть ментальной деятельности, возможно только исходя из результатов этой деятельности. Устный текст, который записан на электронном носителе информации и расшифрован согласно правилам транскрипции, может считаться единицей, отображающей определенные ментальные конструкты. Такой текст можно считать единицей для проведения фольклористического анализа.

Материалом для нашей работы послужили рассказы женщин об их личном опыте беременности и родов, записанные с использованием метода нарративного интервью. Для обозначения этих рассказов мы будем использовать термин *натальный нарратив*. Записи проводились в 2006–2012 годах на территории Западной Украины, преимущественно в городе Тернополе и в Тернопольской области. Всего опрошено почти 500 женщин.

Записанный и проанализированный материал дает основания поставить вопрос о бытовании традиционных фольклорных и мифологических представлений о материнстве, беременности, родах, о новорожденном среди наших современниц. Такой ракурс может заинтересовать фольклориста, литературоведа, антрополога по двум причинам. С одной стороны, опыт беременности и родов для современной женщины – это опыт переживания *ritas de passage*. Подчеркнем, речь идет не о ритуализованной, игровой ситуации, а именно о ритуале², где испытания происходят не «как будто», а на самом деле, где платой за неумение и незнание может оказаться здоровье, а то и жизнь матери и новорожденного ребенка. С другой стороны, у нас есть возможность увидеть влияние традиционных фольклорных и мифологических мотивов на современную устную традицию рассказывать о рождении собственного ребенка.

Для проведения исследования нам необходимо избрать единицу анализа, которая могла бы оказаться релевантной для описания как традиционных фольклорных текстов, так и современного натального дискурса. Такой универсальной единицей может выступать *мотив*, поскольку он соответствует сразу нескольким критериям: является семантически нераздельным единством,

¹ Б. Оляшек, *Русский позитивизм. Идеи в зеркале литературы*, Łódź 2005, с. 6.

² Е. А. Белоусова, *Представления и верования, связанные с рождением ребенка: современная городская культура*: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. культурологии, Москва 1999.

образным ответом на явления действительности, а также может служить ядром для развертывания в сюжетный текст³. Оксана Кузьменко отмечает:

Мотив принадлежит к узловым категориям художественной организации фольклорного произведения (текста, сюжета), а в более широком понимании – фольклора как феномена культуры⁴.

Научная традиция, опирающаяся на дихотомические идеи структурной лингвистики, родоначальником которой выступает Фердинанд де Соссюр, позволяет использовать мотив одновременно как единицу инвариантную, и имеющую фабульные варианты. По мнению многих современных исследователей, мотив сегодня служит ключевой единицей для фольклористических классификационных схем⁵.

Подобно языковым явлениям, фольклорные мотивы способны показывать универсальные человеческие представления о беременности, материнстве, новорожденном ребенке.

Среди нашего материала нам удалось отыскать ряд мотивов, широко используемых в женских рассказах о беременности и родах: «беременной женщине снится сон о будущем ее ребенка», «рождение необыкновенного ребенка сопровождаются феноменальными природными явлениями», «новорожденный ребенок проявляет черты богатыря», «новорожденный ребенок проявляет черты „низкого” героя», «мать узнает свое новорожденное дитя» и другие.

Рассмотрим мотив «беременной женщине снится сон о будущем ее ребенка»:

Сниться мені Матір Божа – така постать в платті такому гарному, тільки я знаю, що то – Матінка Божа. І вона мені каже, що ти, каже, ніби вагітна, і ти скоро народиш дитину. І що в тебе буде внегредівчинка, і та дитина буде дуже гарною, дуже доброю до людей, і ти з нею будеш зустрічати старість, вона для тебе буде найближча⁶.

Эти мотивы свойственны не только для нашего материала – реализации подобного мотива мы можем отыскать в других культурных традициях. Вещий сон беременной женщины – известный в традиционной культуре

³ О. Кузьменко, *Соціально-побутові пісні українців Молдови (особливості поетики)*, [в:] *Традиційна культура діаспори: збірник наукових праць*, Одеса 2012, с. 242–262; С. Ю. Неклюдов, *Мотив и текст*, [в:] *Язык культуры: семантика и грамматика*, отв. ред. С. М. Толстая, Москва 2004, с. 236–247; И. В. Силантьев, *Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии*, Новосибирск 1999, 104 с.

⁴ О. Кузьменко, *Соціально-побутові пісні...*, с. 251.

⁵ См.: Там же, С. Ю. Неклюдов, *Мотив и текст...*; И. В. Силантьев, *Теория мотива...*; Н. Ярмоленко, *Український усний героїчний епос – динаміка традиції*, Київ 2010.

⁶ Ростислава Евгеньевна Лагошняк, род. в 1943 году. Записано Оксаной Васильевной Лабашук 15 января 2010 года в г. Тернополь.

и мировой литературе мотив. Древнегреческие авторы рассказывают о сне Гекубы, беременной Парисом, которой приснилось, что она родила факел, который поджиг Троя. Римская легенда в пересказе Светония, связанная с рождением Вергилия, гласит, что беременной матери Вергилия приснился сон, что она родила лавровую ветвь, которая, коснувшись земли, сразу пустила корни и выросла красивым деревом с множеством плодов и цветов.

Похожий сюжет находим в рассказе о рождении Фудзивара-но Каматари, основателя рода Фудзиваров, который, начиная с VIII столетия был наиболее влиятельным аристократическим родом Японии. Беременной матери Каматари приснился сон, что «из ее чрева выросла глициния, покрывшая собой всю Японию»⁷.

Таким образом, еще в архаических культурах существовало представление, подкрепленное определенными нарративами, о том, что беременная женщина видит вещие сны, которые обязательно сбываются.

Обратим внимание на тот факт, что в текстах, которые представляют разнообразные мифологические традиции и традиционную культуру, знаком необычности новорожденных детей были сверхъестественные явления, которые сопровождали появление в этом мире необычных младенцев. Такие рождения сопровождают бури, землетрясения, вулканы⁸. Естественно, буря или землетрясение не сопровождают рождение каждого ребенка, однако интересно отметить постоянный мотив рассказов матерей – сообщение о том, какая погода была за окном в тот момент, когда родился их ребенок:

Пам'ятаю: так лежу і дивлюсі в вікно. Дивлюсі: такий сильний, сильний дощ і вітер, погода була така не дуже добра, а я собі така лежу щаслива і мені так легко, легко і так добре, добре було⁹.

Я лежала в післяпологовій палаті, і, не зважаючи на серпень місяць, був страшений холод. За вікном шуміла гроза¹⁰.

Коли він родився була дуже похмура погода... Навіть дивувалася, чому так, тому що цілий тиждень до цього, до дев'ятого числа, до дев'ятого вересня... було тепло, сонячно, а тут саме в цей день і зразу погода змінилася: одразу пішов невеличкий дощ, хмари затягнули небо, вітерець був¹¹.

⁷ С. Окунісі, *Порівняльне дослідження японської культури*, «Народна творчість та етнографія» 2009, № 1, с. 10.

⁸ Е. Nowina-Sroczyńska, *Przezroczyście ramiona ojca: Studium etnologiczne o magicznych dzieciach*, Łódź 1997.

⁹ Ольга Павловна Рутка, род. в 1969 году. Записано Оксаной Мирославовной Руткой 11 марта 2012 года в с. Лещанцы Бучацкого р-на Тернопольской обл.

¹⁰ Александра Васильевна Сорока, род. в 1966 году. Записано Юлией Васильевной Гавриляк 9 марта 2012 года в с. Малый Говилов Тербовлянского р-на Тернопольской обл.

¹¹ Катерина Владимировна Артим, род. в 1988 году. Записано Валентиной Зиновьевной Костецкой 20 ноября 2011 года в смт. Гусятин Чемеровецкого р-на Хмельницкой обл.

В противоположность плохой погоде, буре, дождю, некоторые женщины припоминают следующий значимый момент: особенно хорошую погоду в момент рождения ребенка. Эта хорошая погода соответствует их приподнятому настроению:

Лежала я в роддомі на столі і дивилася через вікно, там вже закінчувався дощик, так, пам'ятаю, золоте листячко з крапельками дощу виблискувало на сонці, погода на дворі чудова¹².

Ну й лежу, а вже так гарно-гарно світліє, бо то червень місяць, вже такий гарний-гарний ранок червневий, сонце таке, ну так аж-аж, такий приємний-приємний такий ранок¹³.

Ева Новина-Срочинська пишет, что для «святых детей» свойственно появляться на свет в особое, сакрально отмеченное время. Необыкновенные дети рождаются в полночь, на рассвете, или же во время больших праздников¹⁴. В нашем материале находим соответствующие мотивы. Женщина, мировоззрение которой сориентировано на традиционную культуру, подчеркивает особое время рождения своих детей во время больших религиозных праздников:

Мої діти породилися обидвоє в великі свята. Маша, Юля на Зелену суботу, а Тарас – в другий, в Світлий понеділок¹⁵.

Женщины – носители современной культуры – находят иную символику для того, чтобы подчеркнуть уникальность времени рождения своего ребенка:

Прекрасна пора, лі-і-і-то. Я бажаю щоб всі влітку родили бо ми за два тижня похрестили і з дитиною вийшли на вулицю і гуля-а-али <піднесено>¹⁶.

Але сама, сама радість в тому, що моя дочка родилася в саму мою улюблену пору року, осінню. Я дуже люблю осінь, я сама родилася в листопаді [...]. Ну, як я вже осінь, моя улюблена пора року, і для мене дуже от важливо було чогось, не знаю, прокинутись на другий день зранку в палаті і виглянути в вікно. Тоді якось так було, якась погода така холодна, дощ падав, але багато листя було, і от, я і так люблю осінь...¹⁷.

...моя Настя народилася в шостій годині дня. Головне, що не вночі... Я чогось дуже боялася родити вночі. Сама не знаю, чого. Певно, боялася, чи зможуть лікарі зорієнтуватися,

¹² Майданюк Ольга Антоновна, род. в 1974 году. Записано Уляной Олеговной Майданюк 27 ноября 2011 года в с. Городница Гусятинского р-на Тернопольской обл.

¹³ Галина Петровна Шмило, род. в 1970 году. Записано Марией Владимировной Шмило 20 ноября 2011 года в смт. Козова Тернопольской обл.

¹⁴ E. Nowina-Sroczyńska, *Przezroczyście ramiona...*

¹⁵ Александра Васильевна Сорока, род. в 1966 году. Записано Юлией Васильевной Гавриляк 9 марта 2012 года в с. Мальный Говилов Тербовлянского р-на Тернопольской обл.

¹⁶ Алла Степановна Зимницкая, род. в 1967 году. Записано Еленой Геннадиевной Зимницкой 14 мая 2011 года в г. Тернополе.

¹⁷ Наталия Васильевна Сава, род. в 1986 году. Записано Иванной Петровной Кришук 11 мая 2011 года в г. Тернополе.

ну, чи взагалі захочуть вставати, якщо що. Може, б я й сама зрозуміла, що вже почалося. Але мене лякав сам факт ночі. Я взагалі боюсь темноти...¹⁸.

Рассмотрим, каким образом эксплицированы в натальном нарративе другие мотивы. Вот примеры реализации мотива «новорожденный проявляет черты богатыря». Если судить по нашему материалу – это наиболее экспонированный мотив, используемый матерями, рассказывающими о первой встрече со своим собственным ребенком:

Але вже Владіка привезли, він, канешно, в мене богатир. В мене в палаті дві жіночки родили дівочок, вони такі малюсечкі були, такі мініатюрні, мама могла її під пашку взяти і лежати. А мені Владіка привезли, він такий... щоки аж тако звисали <показує>. І пам'ятаю, що так лежав посередині, дві дівчинки і він посередині – кавалер. Медсестра заходить, і каже: «О, бач, як: тре чотири кілограма родити, то хоч видно його!»¹⁹.

Представляется, что мотив младенца-богатыря – это пример непосредственного влияния богатырского эпоса на традицию рассказывать о рождении собственного ребенка, которую мы наблюдаем у современных матерей. Одно из наиболее часто используемых клише для характеристики новорожденного мальчика – «голова колхозу» («председатель колхоза»). Такое наименование, хотя и является отголоском советской эпохи, свидетельствует о стремлении выделить своего ребенка среди других новорожденных, показать его силу, физическое здоровье, спрогнозировать высокий социальный статус в будущем:

Дитина вийшла, лікар був здивований, бо розраховував на... А дитину зважили, було три вісімсот п'ятдесят. Він каже: «І куда він в тебе вліз? І на яких харчах лікарняний він так поправився за місяць часу? Ну, не знаю. Буде голова колхозу!» <Сміється>²⁰.

Ну, а про сина <сміється>, то в нас: «Народила голову колхозу», народився 4 кілограми 200 грам. «Приймай голову колхозу» – в тому розумінні, що він такий великий²¹.

Рассказы об особенных «магических» детях, рождение которых сопровождалось необычными явлениями, по мнению польского этнолога Евы Новины-Срочиньской, относятся к необыкновенным «магическим» детям. Прочитируем мнение исследовательницы:

¹⁸ Лилия Васильевна Штокайло, род. в 1988 году. Записано Натальей Ярославной Лошников 30 марта 2012 года в с. Туровка Подволочиского р-на Тернопольской обл.

¹⁹ Татьяна Олеговна Албул, род. в 1984 году. Записано Линой Александровной Муляр 22 октября 2011 года в г. Тернополе.

²⁰ Ирина Игоревна Жаринова, род. в 1978 году. Записано Юлией Игоревной Водяной 15 ноября 2011 года в г. Тернополе.

²¹ Оксана Александровна Страшнюк, род. в 1968 году. Записано Викторией Александровной Страшнюк 16 мая 2011 года в с. Маначин Волочиского р-на Хмельницкой обл.

Была ли заинтересованность мифическими детьми в реальности заинтересованностью ребенком? Думаю, иначе. Мифы (также сказки и легенды) говорят языком символа, аллегории, метафоры. Святой ребенок и святое детство – это скорее аллегория начала, символический образ, указывающий на героя в будущем... Самым важным здесь является категория начала, с которого все возникает и определяет будущее. Взрослость святых детей – это метафорический способ перехода от незнательности и беспомощности, характеризующий обыкновенного ребенка²².

Анализ семантики рассказов матерей, а именно мотивов, связанных с рождением и первыми днями жизни младенца, свидетельствует о существовании традиции не только рассказывать о своем ребенке как уникальном существе, но и то, что тексты о «мифических младенцах» непосредственно повлияли на формирование современной устной традиции.

Другими примерами, еще более интересными с точки зрения фольклориста, являются рассказы о своем новорожденном ребенке как о «низком» герое (мотив «новорожденный проявляет черты „низкого” героя»). Детально вопрос о «низком» герое в фольклоре, в частности, в сказочном эпосе, изучал Е. М. Мелетинский, отметивший, что волшебная сказка знает два типа героя – «богатырь» и «низкий» герой²³. Образ «низкого» героя широко распространен в мировом сказочном фольклоре, однако этот образ более характерен для мифологических рассказов, христианских легенд. Образ героя, «не подающего надежд», характеризуется физической непривлекательностью, неэстетичностью: он мал ростом, грязный, лысый, запаршивленный или покрытый коростой²⁴. Однако смысл превращений в волшебной сказке заключается в том, что «в ходе развития сюжета все „низкое”, непривлекательное вокруг героя и в нем самом превращается в высокое»²⁵. Сравним, что рассказывают о своих детях наши собеседницы:

Ой, Боже, скажу вам чесно, коли я побачила свою першу дитину, я перелякалася. Яке воно страшне, синє, нещасне! Ну коли я його, її помила, перебрала, коли запеленала, притиснула коло себе і побачила, які в неї гарні мої карі очка, я обалділа, яка вона красива просто є²⁶.

Коли я подивилася на чоловіка, то він стояв з якимось страхом, дивився на дитину, потім тихенько сказав: «А чого вона така страшна?» Мені стало навіть трошки обідно. Але нашу донечку гарно одягнули, запеленали в конверт і вона стала, як ангелик²⁷.

²² E. Nowina-Sroczyńska, *Przezroczyście ramiona...*, с. 59.

²³ Е. М. Мелетинский, *Герой волшебной сказки: Происхождение образа*, Москва 1958.

²⁴ Там же, с. 191–193.

²⁵ Там же, с. 211.

²⁶ Мария Михайловна Дончак, род. в 1971 году. Записано Ольгой Михайловной Савчук 15 мая 2011 года в г. Тернополе.

²⁷ Мария Васильевна Кмить, род. в 1961 году. Записано Ириной Михайловной Кмить 18 октября 2009 года в с. Шибалин Бережанського р-на Тернопольської обл.

А друга дитина то така була худенька, така червона. Віра в мене була, ноги чеператі, маленька така. Ну, така, одним словом, страшенька²⁸.

В монографії Е. Мелетинського знаходимо вповне закономірне судження про естетику подібних розказів:

Временное добровольное пребывание героя в низком статусе [...] целиком понятно с эстетической точки зрения: оно дает возможность выразить относительность, временность, внешний характер низкого статуса героя, подчеркнуть «высокую» сущность героя, показать контраст между «низкой» видимостью и «высокой» сущностью²⁹.

Широко буває серед сучасних українських жінок мотив «мати знає свого новонародженого малюка»:

Поприносила раз медсестра дітей годувати. Дала і мені. Я дивлюся, щось не так: дитина чось не хоче їсти, пхенькає, груди не бере. Я придивляюся – не моє. Кличу медсестру і кажу, що то не моя дитина. А та до мене з таким фуком: «А я ти де другу візьму? Більше нема. Я всі роздала!» І пішла з палати. Я розвиваю дитину, а то хлопчик. Плачу, бо дитину мені вкрали. А сусідка моя, що зразу так біля мене лежала, так тішитися, бо малий нарешті почав їсти добре, а то не хотів груди брати, кусав; медсестри сварилися, що дитина голодна вічно. Я з плачем йду до кожної жінки, прошу би ми показали дітей, бо то не моє. Дивлюся, а тебе дали сусідці мої³⁰.

Значить, про діток ще розкажу, на вигляд ніби дітки всі однакові, але коли ти вже один раз потримаєш на ручках, один разочок вже свою дитинку, ти її ні з ким не спутаєш [...]. І, пам'ятаю, от якраз в шість годин ранку медсестра привела на такий каталочці діток, і дала сусідчину дитину мені, а її дала мою, а я дивлюся і кажу: «То не моя дитина!»³¹.

Этот мотив подмены собственного ребенка можно рассматривать как созвучный известному в сказочной прозе мотиву подмененных младенцев. Такою заміною, по традиційним фольклорним уявленням, здійснює нечиста сила, забирає людського малюка, а на його місце залишає свого. «Подмениш» має незвичайний вигляд, все час кричить, багато їсть, але не росте.

Мотив страху, що твого малюка підмінили, представлений ще одним цікавим типом реалізації: мати повинна знати свого малюка серед інших таких же новонароджених дітей, керуючись тільки власним материнським інстинктом. Мотив втраченого і отриманого малюка відомий в епічній традиції ще з часів античності. Очевидно, в цьому

²⁸ Марія Васильєвна Кміть, род. в 1971 році. Записано Іриною Михайловою Кміть 18 жовтня 2009 року в с. Шибалин Бережанського району Тернопільської області.

²⁹ Е. М. Мелетинский, *Герой волиевой сказки...*, с. 217.

³⁰ Марія Іванівна Когут, род. в 1965 році. Записано Марією Іванівною Когут 14 жовтня 2011 року в с. Мартиновка Бучацького району Тернопільської області.

³¹ Оксана Ананьєвна Лотоцька, род. в 1974 році. Записано Олесею Лотоцькою 20 жовтня 2011 року в г. Тернополі.

случае мы имеем дело с современной реализацией достаточно архаического мотива. Тот вариант, воплощение которого мы наблюдаем в натальном нарративе, имеет ближайшие соответствия в волшебной сказке, имеем в виду сюжет «Хитрая наука» № 325 АА, в котором отец должен узнать своего сына среди подобных ему существ:

Після виписки з роддому, чоловік перевіз мене до дитячої лікарні. Мене привели в палату, де було четверо ліжечок з дітками. Сказали: «Ану, пізнай свою дочку». І моє материнське відчуття не підвело мене. Роздивившись дітей, я впізнала свою донечку. Всі дуже здивувалися³².

І коли він лежав вже в палаті для новонароджених, я весь час чула його голос, чула, як він кричить, і чула... Тамару я не розрізняла, а його відрізняла. Я туди прихожу: «Це мій кричить?» – «Да, це Ваш кричить»³³.

А та кімната якраз була навпроти нас, коридор був... двері повідкривані, коридор, і ми чули, коли діти плачуть. І ми так відчували, котре чие плаче³⁴.

Таким образом, структурно-семантическое исследование натального нарратива разрешает выделить в нем ряд мотивов, повторяющихся в рассказах женщин о беременности и родах. Эти мотивы связаны с фольклорными, мифологическими и раннелитературными текстами, в которых описывается рождение необыкновенных младенцев: будущих героев, основателей городов, аристократических династий, выдающихся поэтов. В традиционных фольклорных и мифологических мотивах современные женщины ищут семантические модели для выражения собственного мироощущения и миропереживания, связанного с рождением ребенка. Рождение собственного ребенка женщина воспринимает как сверхважное событие, поэтому она видит вещие сны о будущем своего ребенка, рождает в особенное время необыкновенное дитя, которое наделено чертами богатыря или «низкого» героя, доказывает свое право быть матерью, узнавая своего ребенка среди других таких же детей.

Библиография

Nowina-Sroczyńska E., *Przezroczyście ramiona ojca: Studium etnologiczne o magicznych dzieciach*, Łódź 1997.

Белоусова Е. А., *Представления и верования, связанные с рождением ребенка: современная городская культура*: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. культурологии, Москва 1999.

³² Ольга Антоновна Майданюк, род. в 1974 году. Записано Уляной Олеговной Майданюк 27 ноября 2011 года в с. Городница Гусятинского р-на Тернопольской обл.

³³ Илона Николаевна Пыжик, род. в 1969 году. Записано Оксаной Васильевной Лабашук 8 ноября 2008 года в г. Тернополе.

³⁴ Мария Михайловна Федора, род. в 1963 году. Записано Надеждой Михайловной Федорой 18 ноября 2011 года в пгт. Перегинское Рожнятовского р-на Ивано-Франковской обл.

- Кузьменко О., *Соціально-побутові пісні українців Молдови (особливості поетики)*, [в:] *Традиційна культура діаспори: збірник наукових праць*, Одеса 2012.
- Мелетинский Е. М., *Герой волшебной сказки: Происхождение образа*, Москва 1958.
- Неклюдов С. Ю., *Мотив и текст*, [в:] *Язык культуры: семантика и грамматика*, отв. ред. С. М. Толстая, Москва 2004.
- Окунісі С., *Порівняльне дослідження японської культури*, «Народна творчість та етнографія» 2009, № 1.
- Оляшек Б., *Русский позитивизм. Идеи в зеркале литературы*, Łódź 2005.
- Силантьев И. В., *Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии*, Новосибирск 1999.
- Ярмоленко Н., *Український усний героїчний епос – динаміка традиції*, Київ 2010.